

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

ПРОХОРОВА А.А., асп.

Рассматриваются актуальные проблемы текста и текстообразования в современной лингвистике. Демонстрируется многоликость понятия «текст», выделяются различные категории текстуальности, а также такие понятия, как «текст» и «дискурс», «когезия» и «когерентность».

Ключевые слова: лингвистика, текст и текстообразование, первичность устной речи, аспекты связности текста.

THEORETICAL PROBLEMS OF TEXT AND TEXT FORMATION

PROKHOROVA A.A., postgraduate

The article concerns the most important text and text formation problems in modern linguistics. The polysemy of text concept is demonstrated, different textual categories are pointed out, as well such notions as "text", "discourse", "cohesion", "coherence".

Key words: linguistics, text and text formation, oral speech priority, text coherence aspect.

Приступая к изучению текста и знакомясь с лингвистической литературой, посвященной проблемам текста, обычно сталкиваешься с огромным количеством определений этого понятия. Современная лингвистика не выработала единого понятия текста, которое бы удовлетворяло представителей разных школ и направлений. Невозможно сказать, что причиной этого является малоизученность текста (хотя лингвистика текста является достаточно молодой наукой), скорее, ответ кроется в самой природе понятия «текст». **Текст** – это многоликое явление, предполагающее многоаспектное его изучение. Различные трактовки понятия текст демонстрируют эту многоликость. Положение осложняется еще и тем фактом, что на настоящем этапе развития лингвистики текста в сферу исследования данной науки вовлекаются все новые аспекты изучения, увеличивается число всевозможных идей, возникающих в результате взаимодействия лингвистики и других наук, таких как психология, социология, семиотика и др.

Все концепции текста в современной лингвистике можно условно разделить на следующие группы: грамматические, коммуникативные и концепции, вбирающие положения первых двух.

Грамматические концепции рассматривают текст как результат речевой деятельности без учета как самого процесса порождения и развертывания речи, так и носителей этого процесса, т.е. без учета автора (создателя) и адресата, особенностей речевой ситуации. При этом текст представляется как сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющих определенный модальный характер и прагматическую установку.

Представители такого подхода к определению текста стремятся сформулировать закономерности и правила объединения компо-

нентов текста в единое целое. Объектом исследования может являться не только синтаксическая, но и семантическая структура текста, когда исследователь не ограничивается рассмотрением особенностей поверхностной структуры текста, а пытается определить закономерности «глубинных», содержательных отношений в тексте.

В рамках грамматической концепции можно выделить две тенденции в изучении текста: 1) когда грамматика предложения переносится на грамматику текста и 2) когда текст рассматривается как лингвистический объект, который обладает особыми специфическими свойствами, не совпадающими со свойствами предложения.

Строго синтаксический подход к описанию текста предполагает использование методов грамматики предложения в том или ином виде при анализе текста. Сторонники этого подхода считают, что, несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, текст все же не образует специфической структуры, свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений. Такой взгляд на текст представляет некий «изоморфизм структуры предложения и структуры текста», что неправомерно потому, что текст не является лишь суммой свойств предложений.

Тем не менее обращение исследователей текста к накопленному опыту изучения предложения вполне закономерно, хотя бы потому, что определенным случаем текста при соблюдении ряда коммуникативно-прагматических условий является именно предложение (не имеющее контекста). Грамматики предложения, с одной стороны, служат моделями для создания грамматик текста, а с другой стороны, образуют органическую составную часть последних. Однако внутренняя близость и связь этих двух объектов – текста и предложения – не заслоняет тех качественных различий между ними, которые обусловлены как сущностью, так и внешней, количественной стороной явления.

Таким образом, при лингвистическом анализе и описании текстов неразумно пренебрегать опытом изучения предложения (как единицы, близкой тексту).

В основе коммуникативных концепций текста лежит анализ не его синтаксической или семантической структур, а анализ практической коммуникативной деятельности, лежащей в его основе. При таком подходе текст рассматривается как особая коммуникативная единица.

На основе функциональных и коммуникативных факторов определяются и описываются категориальные признаки каждого типа речевых актов. Большое внимание уделяется коммуникативной ситуации и ее участникам, а также их влиянию на текст. Эта точка зрения представлена в работах о речевых актах, о речевых жанрах, в работах по психолингвистике и др. Рассмотрение содержания текста в целом и его компонентов с учетом коммуникативного аспекта, закономерностей функционирования языка и построения текста, текстообразования, является большим достоинством этой группы концепций.

Рассматривая понятие текста, мы не можем не упомянуть концепцию О.Б. Сиротининой, которая говорит о двух пониманиях текста: «текст как сознательно организованная речь и текст как реальная реализация речевого замысла» [1, с. 105].

Если рассматривать текст как сознательно организованную речь, то большинство фактов письменной речи являются текстами. В устной речи ослабление текстовой организации зависит от степени ее подготовленности. При втором понимании текста его границы очень расширяются, текстами признаются и разговоры, но даже при таком понимании остаются факты, не укладывающиеся в понятие текста.

Рассмотренные подходы, с нашей точки зрения, отражают развитие лингвистики текста в целом, фиксируют различные этапы исследования текста на протяжении существования данной науки – от структуры к коммуникативному фактору и, наконец, к обобщению этих факторов, рассмотрению их взаимовлияния.

Выявление и описание средств, выполняющих текстообразующую функцию, на различных уровнях текста внутри и между сверхфразовыми единствами, несомненно, важны. Результаты анализа текстообразующих средств позволяют более четко представить модель текста, его связующие звенья, которые «сшивают» отдельные высказывания и сверхфразовые единства и помогают созданию целостного текста. Полученные результаты можно применить в обучении продуцированию текстов различных стилей и жанров.

Задача лингвистического изучения текста, и в частности основ текстообразования, не

только не устарела, но и приобретает все большую актуальность, поскольку понятие «текст» используется все шире, что неизбежно ставит задачу его исследования и уточнения. В лингвистической литературе можно выделить широкое и узкое понимание текстообразования.

Текстообразующие средства могут обладать разными характеристиками. Одни являются самодостаточными единицами и в силу самостоятельно осуществляя процесс текстообразования (например, вопросительные предложения в монологическом тексте). Другие же выступают как средства текстообразования в определенной соотнесенности с другими синтаксическими единицами, т.е. обладают некой текстовой потенцией. Текстовая потенция рассматривается как такой частный случай текстообразующей функции, когда последняя не является следствием самодостаточности появления определенной синтаксической единицы для текстового развития (например, синтаксические параллельные конструкции).

На протяжении всего существования лингвистической теории текста ученые пытались найти те критерии, которые бы точно отображали наиболее существенные различия в структурах речевых произведений. Многие лингвисты указывают на то, что при самом общем анализе текстов важным фактором являются различия между устной и письменной манифестациями речевой деятельности.

Факт первичности устной формы речи по сравнению с письменной речью является неоспоримым. Однако к такому пониманию вопроса лингвисты пришли не сразу.

Традиционные грамматисты стремились доказать, что устная речь («spoken language») вторична и в каком-то смысле зависима от стандартного письменного языка. В противовес этой точке зрения современные лингвисты утверждают, что устная речь первична, а письменная речь лишь средство передачи речи в другом измерении.

Принцип первичности устной речи по отношению к письменной подразумевает не только то, что устная речь древнее и более распространена, чем письмо. Сравнительная древность речи и письма не так важна, как важно понимание того, что вся письменная система основывается на единицах речи.

В настоящее время при исследовании строения текстов, процессов их порождения и восприятия особое значение приобретает тот факт, какие тексты служат объектом анализа: устные тексты, т.е. тексты, записанные сначала на магнитную ленту, а затем преобразованные в графическую запись, или же письменные тексты, т.е. тексты, которые с самого начала зарождались и производились в качестве письменных текстов.

Традиционно к устной речи относилось то, что: 1) говорится без предварительной за-

писи, т.е. «не по бумаге»; 2) не предназначается для публичного выступления; 3) не организовывается специально в ритмомелодическом отношении и не рифмуется; 4) воспринимается как говорение, соответствующее норме в данном языковом коллективе.

На первый взгляд, решение вопроса о разграничении устных и письменных текстов не вызывает особых проблем. Если исходить из материальной формы знака, то устная речь всегда легко отграничивается от письменной: устная речь реализуется в звуковой, а письменная – в графической форме; устная речь осуществляется через интонационный, «жестомимический» каналы передачи информации и воспринимается акустически, а письменная – рассчитана на зрительное восприятие, дополнительным каналом передачи информации при этом являются графические средства. Таким образом, речь и письмо используют разные формы и каналы для передачи сообщения. Устные высказывания отличаются формально от письменных также и тем, что они, как правило, используются в разных коммуникативных ситуациях и для разных целей. Кроме того, устный текст многоаспектен и характеризуется рядом специфических черт, присущих только ему. Одной из таких особенностей является просодия устного текста.

В зарубежной лингвистике термины «устный» (spoken) и «разговорный» (colloquial) часто использовались как синонимы. Соответственно термин «письменный» (written) часто отождествлялся с терминами «классический» (classical) или «литературный» (literary).

Такое понимание устной речи подразумевает следующие характерные черты, неоднократно отмечавшиеся в лингвистической литературе, описывающей разговорную речь: неподготовленное продуцирование речи; непосредственное присутствие участников коммуникации (face-to-face), т.е. место и время порождения и восприятия речи совпадают; естественная ситуация говорения; отсутствие наблюдателей, не принимающих участия в общении, что могло бы отразиться на действиях говорящих, и т.п.

Однако при таком подходе к устной речи рамки исследования текста ограничиваются лишь разговорной речью, а такие специфические формы коммуникации, как научное обсуждение, публичное выступление, речь на радио, телевидении и т.п. выпадают из сферы научного рассмотрения.

Существует и такая точка зрения, согласно которой всякая устная речь, если только это не чтение вслух письменного текста, считается единым языковым объектом. Ярким представителем этой концепции является О.А. Лаптева, которая считает устность определяющим признаком, формирующим основные особенности языковых единиц, и противопоставляет

кодифицированному литературному языку все разновидности устной речи как единого языкового объекта [2].

С нашей точки зрения, понятие «устная речь» включает в себя речевые произведения не только весьма различные, но и прямо противоположные по своим лингвистическим характеристикам: с одной стороны, в частности, типично разговорные высказывания, а с другой – такие устные жанры, как дискуссия, публичное выступление, лекция, интервью и т. п. Признак устности не вносит разлад в различные виды функциональных стилей и не способен стать определяющим для единой разновидности языка.

Многие лингвисты, пытаясь избежать всех перипетий, связанных с различными коннотациями понятия «устная речь», оперируют понятием «звучащий текст». Под звучащим текстом понимаются любые законченные в коммуникативном отношении языковые произведения, произнесенные вслух, как специально подготовленные говорящим, так и спонтанные. Однако понятие «звучащий текст» – лишь более общее понятие, которое отражает только материальную сторону явления.

Проблема устной и письменной речи остается актуальной в силу недостаточной изученности устной формы отдельных жанров, а также в силу развития и все возрастающего значения новых форм коммуникации.

В лингвистике понятие «текст» часто соотносится с понятием «дискурс». Исследователями эти понятия трактуются по-разному.

Современная наука не дает единого толкования значения терминов «дискурс» и «текст» в силу объемности и многозначности понятий.

Так, термин «дискурс» интерпретируется как связный текст, высказывание, устно-разговорная форма текста, речь, речевое произведение письменное или устное [3]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре «дискурс» описывается как «связный текст в его совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психолингвистическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленные социальные действия, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [4]. **Дискурс** – это речь, «погруженная в жизнь» [1]. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно.

Существует и другая трактовка, когда дискурс соотносят с диалогом, а текст – с монологом. Однако само по себе такое противопоставление достаточно условно в силу условности понятия диалогичности. Многие исследователи указывали на диалогичность всего

языка, речи и сознания, на нечеткость и размытость понятий «диалог» и «монолог». Так, Л.П. Якубинский, определяя понятия монолога и диалога, не случайно дает им дефиниции в их «крайних случаях», наиболее «чистого» их проявления в речи, и замечает, что между этими двумя случаями находится ряд промежуточных, центром которых является такой случай, когда диалог становится обменом монологами [5].

Неоднозначным является и соотношение понятий «дискурс», «текст», «речь». Как известно, «discourse» во французском языке означает просто речь. В лингвистике «дискурс» иногда относят к продолжительным отрезкам устного диалога и противопоставляют письменному тексту, т.е. используют оппозицию «письменный текст» – устный дискурс. Однако такое ограничение языковой действительности только двумя формами – письменной и устной – сужает объем данных категорий. Такой подход весьма характерен для ряда формальных подходов к исследованию языка и речи.

Таким образом, современным трактовкам термина «дискурс» не противоречит утверждение о том, что дискурс обладает признаком процессности, невозможности существования вне прикрепленности к реальному, физическому времени, в котором он протекает. Дискурс в филогенезе предшествует тексту, подобно тому, как диалог предшествует монологу, а речь – языковой системе, и «записать» дискурс полностью также невозможно, как невозможно «записать» жизнь человека или даже небольшой ее фрагмент в полной совокупности всех ее составляющих» [1].

Непрекращающийся поиск русских эквивалентов понятию «дискурс»: речь, тип речи, текст, тип текста, связный текст, текст связной речи, – свидетельствует о неоднозначности этого понятия.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной лингвистике под текстом понимается абстрактная, формальная конструкция, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов в связи с экстралингвистическими факторами. *Дискурс* – это семантическая система, а *текст* – часть этой системы. Текст для семантической системы – то же самое, что слог для фонологической системы. Таким образом, дискурс реализуется в тексте.

Владение новейшими дискурсами – это элементарное требование современной профессиональной грамотности, соответствие которому обеспечивает эффективное участие в общем разговоре, возможность получить привлекательное место работы и успешно продвигаться на академическом рынке.

Рассмотрим еще одну проблему лингвистики связной речи – проблему полифонии мнений относительно термина «когезия». В связи с

этим небезынтересно обратиться к этимологии слова «когезия». Сам термин обязан своим появлением в лингвистике физическому явлению межмолекулярного взаимодействия в твердых и жидких телах. Термин «когезия» происходит от латинского слова «cohaesus», что в переводе означает «связанный», «сцепленный». В лингвистике «когезия» означает внутритекстовые связи, обеспечивающие целостность и единство литературно-художественного произведения или любого словесного творения. «Когезия» – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который отличает текст, от «не текста» и который служит средством взаимосвязи содержания отдельных его отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое [6].

Как известно, когезия, или, формально-грамматическая связанность текста, определяется разными типами языковых отношений между предложениями в тексте. Исследователи рассматривают пять аспектов подобных отношений: указательную, личную и сравнительную референцию; субституцию имени, глагола и предикативной группы; эллипсис имени, глагола и предикативной группы; союзные слова и другие единицы, выражающие одно из ограниченного набора отношений, причем довольно общих, связывающих разные тексты. Помимо перечисленных отношений выделяется так называемая лексическая когезия, как правило, достигаемая повтором лексических единиц в смежных предложениях, повтором одного и того же слова или лексического эквивалента исходного слова, повтором родового понятия, посредством коллокации и т.д. К этим явлениям относятся механизмы ко- и кросс-референции, анафоры, катафоры, прономинализации, широко изучающиеся в лингвистике текста.

И.Р. Гальперин в своем широко известном труде «Текст как объект лингвистического исследования» дает более глубокое, на наш взгляд, определение этого текстового явления: «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [7]. Исследователь указывает на текстообразующую роль когезии, обеспечивающую единство и цельность произведения, а также создающую последовательность излагаемых событий, фактов, действий. Немаловажной в работе И.Р. Гальперина является попытка классификации видов когезии. Автор выделяет шесть ее видов: дистантную, образную, ассоциативную (подтекстовую), композиционно-структурную, стилистическую и ритмикообразующую. Необходимо отметить, что когезия является круп-

номасштабной, многоаспектной текстовой категорией, где тесно переплетаются логические, психологические и формально-структурные показатели, поэтому иногда крайне сложно провести четкую грань между тем или иным видом когезии. Так, образная когезия одновременно может выполнять роль дистантной, а стилистическая когезия вполне может являться и ассоциативной. Все вышеизложенное еще раз подтверждает, что «когезия» не изучена в достаточной мере и требует более глубокого, скрупулезного анализа.

Нередко в лингвистических исследованиях термин «когезия» отождествляется с термином «когерентность». Здесь даже не обошлось без некоторой терминологической путаницы. В отечественных работах, особенно по лингвистике текста, уже давно укрепился термин «когерентность», который, по мнению ряда ученых, является не совсем точным, ввиду того, что в русской терминологической традиции для латинской основы этого типа нормативным, скорее, было бы слово «когеренция», по аналогии с «конференция», «аудиенция». Это также подтверждается параллелями и в английском языке (coherence, conference, audience и т.д.). Однако, термин «когерентность» получил большее распространение.

Одни исследователи считают, что когерентность шире когезии, полагая, что последняя охватывает только формально-грамматические аспекты связей текста, в то время как когерентность обеспечивает семантико-прагматические аспекты связанности текста.

На заре лингвистической теории текста когезия рассматривалась как набор формальных коннекторов, способствующих общей связности и единству текста. Однако со временем под термином «когезия» стали подразумевать оба аспекта единства текста, как его формальную, так и его содержательную связность. В настоящее время наблюдается тенденция к более широкому толкованию проблемы связности текста: исследователи обращаются не только к формальным, но и к семантико-прагматическим средствам связи.

На наш взгляд, именно в отождествлении либо разграничении разновидностей связности текста и кроется причина, по которой ряд исследователей подразумевают под когезией лишь формальные виды связи, выделяя при этом категорию когерентности, представляющую собой не что иное, как содержательную связность текста, а другая группа ученых

склонна рассматривать текстовую категорию когезии как единство всех внутритекстовых связей вне их отрыва от содержания текста, что избавило их от необходимости выделять термин «когерентность» и оперировать им в своих работах.

Таким образом, по сути, когезия и когерентность представляют собой разные аспекты связности текста: формальный и содержательный. В этой связи, одному и тому же текстовому феномену даются разные определения, что, однако, не меняет его единой изначальной природы, скорее, речь идет о разном уровне функционирования одного и того же явления.

Приведенные нами различные точки зрения на природу когезии и когерентности позволяют заключить, что независимо от того, как понимаются сущность и границы данных категорий, все они обнаруживают ряд общих моментов, суть которых состоит в следующем: во-первых, как когезия, так и когерентность обеспечивают целостность и единство литературно-художественного текста (скорее, речь идет лишь о формальной или смысловой организации текста); во-вторых, ранние этапы становления лингвистической теории текста были отмечены совершенно отчетливой тенденцией рассмотрения когезии как средства формальной внутритекстовой связи. По мере развития лингвистики текста, когезию стали понимать значительно шире, принимая во внимание ее текстообразующие потенции в плане формирования не только структурной, но и смысловой (содержательной) целостности речевого произведения.

Список литературы

1. Сиротинина О.Б. Тексты, текстолоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург, 1994.
2. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986.
6. Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.

Прохорова Анна Александровна,
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,
аспирант кафедры иностранных языков,
телефон (4932) 38-57-72.